

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

СИБИРИАДА

Цунами

Николай Павлович Задорнов

Цунами

Серия «Адмирал Путятин», книга 1

Серия «Сибириада.

Собрание сочинений»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159623

Цунами: Армада; Москва; 2016

ISBN 978-5-4444-9277-2

Аннотация

Николай Павлович Задорнов (1909–1995) – известный русский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат исторические романы об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев.

Роман «Цунами» продолжает рассказ о славной истории дальневосточных земель, начатый в романах «Капитан Невельской» (том 1, 2), «Война за океан» (том 1, 2). В нем повествуется об экспедиции сподвижника Г.И. Невельского адмирала Е.В. Путятин в декабре 1854 года на фрегате «Диана».

Содержание

Русская Одиссея	5
Цунами	7
Глава 1. Мыс Лазарева	7
Глава 2. Два новых порта	28
Глава 3. Переход в Японском море	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Задорнов

Цунами

© Задорнов Н.П., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

***

Русская Одиссея

Более двухсот лет Япония была закрытой страной. Поэтому кораблей у нее не было. Рыбакам разрешалось иметь небольшие лодки и ходить вдоль берегов в пределах видимости. А любой иностранец, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должен быть казнен.

Как случилось, что более чем восьмистам русским морякам и офицерам, потерпевшим кораблекрушение, высочайшие власти Японии позволили в период действия самых жестких самурайских законов почти год прожить в прибрежных деревнях? Какие необычайные романтические, приключенческие, шпионские, дипломатические истории завязались в результате? Эту невероятную, но достоверную историю отец описал в своей «русской Одиссее» настолько точно, что его романы были изданы даже в Японии.

Большинство историков в мире и сегодня уверены, что законсервированную Японию впервые «распечатала» американская «дипломатия»: военная эскадра подошла к японским берегам, навела пушки, пригрозила... Японцы с испугу пустили их на свою землю, а потом, как в голливудских фильмах, американцы очень понравились японцам своим ростом, красивой военной формой, кока-колой и «Мальборо»... О тех событиях даже написана известная опера-мелодрама «Мадам Баттерфляй».

Недавно мне довелось разговаривать с одним высокопоставленным чиновником из российского МИДа. Даже он не знал, что «открытие» Японии произошло не по воле американской пушечной дипломатии, а благодаря дружелюбию и культуре русских моряков. Недаром в японской деревне Хэда и в наше время есть музей, открытый японцами в память о тех реальных событиях, после которых впервые был поднят их железный самурайский занавес. В этом музее, в центральном просторном зале выставлен первый японский быстроходный парусный корабль, построенный на японской земле в тот год с помощью российских офицеров.

Я был в этой деревне. Одна пожилая японка с гордостью поведала мне о том, что и сейчас в Хэда иногда рождаются голубоглазые дети.

И сегодня, когда до сих пор не подписан мирный договор России с Японией, а дети в японских школах благодаря американским фильмам думают, что даже атомные бомбы на их города сбросили русские, романы отца, как никогда ко времени!

Михаил Задорнов

Цунами

Глава 1. Мыс Лазарева

На бревенчатой, конопаченой стене, на глаголе деревянной перекладки, висел желтый фонарь из рыбьего пузыря.

Молодой контр-адмирал в узком сюртуке без эполет встал из-за стола, открыл фонарь и засветил фитиль в плошке, и на пузыре проступили нарисованные рыбы глаза и красные иероглифы. Он мгновение смотрел на фонарь, словно согрелся от огня.

Пожилой матрос в белых перчатках поставил горячий самовар на стол и зажег свечу в медном подсвечнике. Пламя ее засветилось в медном начищенном самоваре. Матрос подал в блюде на салфетке белый хлеб, нарезанный тонкими ломтями, и разлил чай.

Пожилой адмирал тронул стакан с крутым горячим чаем и задержался на его стекле хваткой ладонью. Суровое длинное лицо его стало теплей.

Он помешал ложечкой в стакане и дважды прихлебнул почти крутой кипяток. Его лицо с крупным носом и густыми бровями обветренно и смугло, как у солдата-лесоруба. Пока молодой адмирал мешкал, садясь на место, пожилой адмирал уперся взором в скатерть и мысленно ушел. Выраже-

ние жесткого лица еще более смягчилось едва проступившей тайной улыбкой.

Молодой уселся на табуретку. Оба адмирала взялись за стаканы и, как по команде, подняли головы, обратились друг к другу.

Молодой адмирал не согласен со многими видами своего гостя адмирала Путятина, хотя и признает его доблесть, замечательную находчивость и даже восхищен сегодня тем, что приходится слышать на прощание.

Пожилой адмирал, в свою очередь, не согласен и охотно бы пренебрег мнениями своего молодого хозяина, только что произведенного в контр-адмиралы Невельского. Он вообще во многом не разделяет его взглядов, хотя и признает его деятельность. За эти годы произошли удивительные события с его участием, и какое из них важней – трудно предугадать пока.

За стеной пронесся ветер. В окне видно прозрачное высокое небо, до половины, как серым одеялом, закрытое тьмой. На море волны и холод. Сегодня после солдатского обеда в двенадцать часов оба адмирала еще не присели.

Ниже потемневшего небосвода, невидимый из окна, но виденный не раз, близкий за узким проливом, как лес за рекой, подходил к материку сахалинский мыс Погиби. Молодой адмирал мысленно видел весь остров, от нанесенных им на карты северных мысов с прибрежными болотами до угольных ломов, заведенных по его же приказанию в камен-

ных боках хребтов над этим проливом и дальше до цветущих берегов залива Анива на самом юге острова Сахалин, где среди айнских селений еще недавно стояла напротив торговой фактории японца русская крепость с гарнизоном и пушками. Но адмирал-гость нынешней весной после долгих колебаний снял эту крепость и вывез гарнизон, стоявший в заливе Анива, на материк. Теперь он, воодушевленный и полный решимости, снова уходил в Японию.

В сырой высокой, как хоромы, избе, на самом крайнем мысу материка, на берегу открытого им пролива напротив острова, Невельской терпеливо слушал и ждал, что же будет сказано еще.

– Глухарев пришел, ваше превосходительство, – входя, сказал матрос в белых перчатках.

– Пожалуйста, пригласите его, – сказал адмирал-гость и, не теряя осанки, но почтительно поклонился через стол своей мощной, прямой фигурой, отдавая полную дань вежливости хозяину.

– Пусть Глухарев зайдет, – велел молодой адмирал. Свет фонаря через красные иероглифы ударил на его поднявшийся высокий и крутой лоб во вздымавшейся лысины. Холодные глаза в голубизне вечернего тумана скользнули по лицу гостя.

Матрос с рыжими колосьями бровей и пшеничными усами на бронзовом узком лице шагнул на слегка кривых ногах в дверь. Он от души пожалел своего адмирала: «Скудненько

тут угощают!» Глухарев ждал, что обрадуется, повидав адмиральский пир. Было бы ради кого терпеть матросу!

– Работали дотемна, Евфимий Васильевич, – сказал Глухарев. – Как теперь прикажете?

– Тебе надо сейчас возвращаться с вещами на корабль. Что же еще не окончено, Глухарев?

– Борта обшиты, Евфимий Васильевич. А теперь они зазоры законопатят, пенька у них своя набрана достаточно. Осмолят пазы, обстругают, и будет гладкий как яичко. С инструментом, Геннадий Иванович, все закончат, – обратился Глухарев к молодому. Он хотел сказать, что инструментов не хватает и нет опытных корабельных плотников. Строили плотники с «Дианы» и обучали солдат, которые прежде ладили барии для сплава по реке.

Баркас получился большой, неуклюжий как утюг, но тут его никто не увидит, зато груза возьмет много.

– Не осудят, Евфимий Васильевич, так и возьмет груза! Конечно, баркас не пароход. Для себя сойдет! Да и ни за что не платили, даром! Кабы время...

Глухарева, кажется, радовало, что баркас построили, ни за что не платя. Матросы на ломках угля на Сахалине тоже, бывало, приходили в восторг, что уголь, за который обычно англичанам платили бешеные деньги, тут брали даром и сколько угодно!

Адмирал Путятин велел матросу идти и проводил его взором, вспомнив, как жена в Париже сказала, что слегка кри-

вые ноги у мужчины – это шарм. Адмирал быстро допил холодный чай и поставил стакан под кран самовара.

Он съехал сегодня на берег вторично, чтобы проститься перед уходом в плавание, и привез подарки. На столике, в углу, сложены желтоватые японские коробки из дощечек легчайшего, как вата, тунгового дерева, в них – веера и лакированные шкатулки, чайные сервизы и чашечки, назначенные в подарок юной красавице Екатерине Ивановне, жене молодого адмирала, которая живет в ста милях отсюда в новом городе над рекой, в таком же сыром бревенчатом доме. По утрам она станет открывать эти шкатулки, искоса любуясь своей свежестью в посланном ей еще прежде тройном французском зеркале.

– Японцы довольно осведомлены о развитии наук и прогрессе во всем мире, хотя и обнаруживают все с величайшей осторожностью, – продолжал свой рассказ Евфимий Васильевич Путятин. – Их общество, глубоко аристократическое, в совершенстве и педантично соблюдающее непреложные законы этикета, озабочено известиями, получаемыми со всех концов света. Запретный плод сладок. Тяга их к миру велика и проявляется со всей силой сдерживаемого темперамента. Они сознают неизбежность перемен и представляют, что далее держать страну закрытой невозможно и даже опасно, это значило бы оставить ее безоружной и неразвитой. В Шанхае и Гонконге, а также на Окинаве, встречаясь с американскими офицерами эскадры Перри, мы не раз слы-

хали от них, что, прежде чем снарядить экспедицию в Японию, президент Фильмор, его государственный секретарь и морской министр потребовали обзора сведений о внутреннем состоянии страны. Адмирал Перри получил отчеты допросов, снятых с японцев, которые тайными путями достигли Гавайских островов, а потом берегов Америки, а также с японских рыболовов, отнесенных бурями за моря. Американцы шли, уверенные в успехе своего посольства, не только потому, что собрались с силой.

Молодому адмиралу казалось, что гость его, побывав в Японии и сблизившись с японскими сановниками, так познал японскую жизнь и вжился в нее, что теперь судил, как бы глядя из ее глубины. Под властью петербургских своих покровителей он был всю жизнь оторван от своих же собственных интересов. А следом за Перри идет с научными целями описная эскадра Рингольда и Роджерса! Она станет описывать Охотское побережье и Сахалин. От управляющего Морским министерством Невельской получал из Петербурга секретные инструкции, как гостеприимно, но соблюдая государственные интересы, следует действовать при подходе американцев к нашим берегам. Бумага пришла, когда Рингольд в Америке лишь начинал готовить корабли к плаванью.

Надо было не убирать крепость с Сахалина и дать там бой англичанам, заставив их напасть на эту крепость, даже сжечь ее, если силы не будут равны, а самим уйти в тайгу. Пусть

джеки придут на пепелище. Пусть айны и японцы увидят, что мы защищаем эту землю.

Следом за англичанами и американцы хлынули в Тихий океан, они теперь повсюду, торгуют, изучают и показывают свою морскую мощь. Главной силой их в Тихом океане была экспедиционная военная эскадра Перри, посланная в Японию. Государь император, как благородный рыцарь, повелел при этих обстоятельствах идти адмиралу Путятину в Японию. Он протянул руку помощи японскому государю, как монарх монарху.

Возникло предположение, что система отчужденности в Японии будет отменена, японцы откроют порты и начнут торговать с европейскими странами.

Пайщики Российско-Американской компании в Петербурге оживились, надеясь на новые выгоды. Канцлер Несельроде – сам пайщик компании, которая владеет Аляской. Адмирал Путятин получил инструкцию. Ему предписано главной целью считать заключение торгового договора с Японией.

В это время Невельской писал с устья Амура, требуя как можно скорей занимать Сахалин, сообщал про угольные залежи на острове.

Перри рассчитывал, что сопротивление японцев будет упорным, с ними придется провозиться годы. Американский коммодор, чтобы удобнее было действовать, намеревался занять базу поблизости от Японии. Американцы могли по-

явиться в заливе Анива на Сахалине.

Невельской понимал, что если американцы займут Анива, то не уйдут оттуда никогда. Придя в Японию, адмирал Путятин послал шхуну «Восток» к Невельскому за известиями. Евфимий Васильевич, размышляя вдали от Петербурга, переменял свои взгляды на наши дальневосточные дела. В докладе правительству сообщал он, что не открытие торговли, а проведение четких границ, обеспечивающих и России и Японии мир и сохранение достоинства, считает главной своей целью.

Он держался в Нагасаки как посол преданного друга Японии.

Да, вот рассказывает, что, кажется, не тому государю руку протянули, что подлинный глава Японии все же не сиогун, а другой, скрытый от людей духовный император, чья власть от богов и кого светский властитель-сиогун, видно, держит в повиновении.

Но кто же теперь встретит американскую эскадру Рингольда, когда она подойдет к самому важному пункту Сахалина в заливе Анива? Айны в смятении, они нас поддерживали, а теперь не знают, как нас понять. Рыдали, провожая наши суда. Им объяснили, что началась война и все войска для битвы против англичан и французов собираются в одном месте. «Где? В океане?» – спрашивали айны. Да, мы предали их. Отдали их врагам.

С ужасом глядели они на вдруг явившиеся в эту весну к

их селениям японские джонки, набитые солдатами.

Страшная сумятица и какое множество событий! Англия и Франция объявили нам войну. К нашим берегам идет научно-исследовательская экспедиция американцев. В Японии побывала мощная эскадра адмирала Перри. Мы хотим заключить торговый договор с Японией. Адмирал Путятин идет на величайший риск.

«Но чем же торговать с Японией? Аляска даст меха?» — хотел бы спросить Невельской. Но чувствовал, что у Евфимия Васильевича своя сложная система действий и что сегодня уж не надо сбивать его с толку своими советами и нет надобности воодушевлять его своими планами перед тяжелым плаванием. Ссоры и разногласия закончились, и оба они оставались перед лицом врагов и опасностей и должны дать друг другу свободу действий и поддержку.

Евфимий Васильевич опять ушел мыслями.

Он явился из Кронштадта с эскадрой в Нагасаки 9 августа прошлого, 1853 года и простоял там чуть не полгода с перерывами. Нагасаки — единственный порт закрытой страны, куда дозволено приходить иностранным кораблям для переговоров.

Из столицы Японии присланы были послы японского правительства. Люди порядочные и серьезные повели переговоры умно и наконец, заметно ослабив сопротивление, дали письменное обещание, что с Россией будет подписан договор о дружбе и торговле прежде, чем с другими державами. Но

если с какой-либо другой державой Япония подпишет договор раньше, чем с Россией, то все права, предоставленные по договору третьей державе, будут предоставлены и России.

Так первое письменное обязательство японцы дали не американцам, а Путятину! Какая перемена в политике японцев! Но послам надо было вернуться в далекую от Нагасаки северную столицу и получить согласие высшего правительства и молодого, только вступившего на престол сиюгуна. А тот снесется с императором, замкнуто живущим в Киото, с потомком богов и как бы живым богом, по понятиям японцев.

Началась война России с Турцией, а потом с Англией и Францией. Адмирал ушел из Японии к берегам вновь открытого Невельским и возвращенного России Приамурья с тем, чтобы вторично встретиться с японскими представителями на Сахалине. Но из-за войны встреча не состоялась. Так полагает Путятин. Невельской полагает: из-за ошибки Путятина встреча не состоялась. И теперь уж не с эскадрой, а с единственным кораблем адмирал пойдет искать встречи с японскими послами и продолжать переговоры.

Команда вооружена до зубов. Пушки поставлены на «Диане» повсюду, где только возможно. Все взято с этих берегов для экспедиции – лучшие офицеры и матросы со всех кораблей, лучшие орудия, запасы ядер и пороха и лучшее продовольствие.

– Кавадзи и старик Тсутсуй не являются членами выше-

го правительственного совета в Эдо, — говорил Путятин. — Но очевидно, что имеют на совет влияние и пользуются его доверием, может быть, даже, как люди практические, диктуют совету свою волю. Сколько в них такта, умения, осторожности, какова логика! Впору их в любую петербургскую гостиную, как говорил Иван Александрович Гончаров. — Первый из европейцев адмирал нашел с высшими чиновниками Японии общие интересы и составил дружеские знакомства.

Кавадзи — опасный противник. Гончаров от него в восторге и описал в нескольких корреспонденциях! Высокого роста, вальяжный, со смелым взглядом больших глаз, с большой выдержкой этот Кавадзи. Но, говорят, тоже колебался, не был уверен, что не увезут его из Японии в плен, если поедет на прием на судно.

Сначала очень осторожны были послы, но потом лед растаял. И на прощание уже совершенно по-европейски Кавадзи пожал протянутую руку адмирала. Путятину даны обещания, что с русскими Япония заключит договор о дружбе, торговле и границах на основе принципа наибольшего благоприятствования. А нагасакские губернаторы — родовитые князья, — не зная новой политики правительства бакуфу¹, составили оппозицию Старику и Кавадзи. В Нагасаки образовались две враждебные партии. На «Палладе» стало известно об этом, и немало смеялись. Всюду, даже в закрытой Японии, одно и то же!

---

¹ Так называлось правительство в Японии. Точно — палаточная стоянка.

Иронизирует губернатор Сибири Николай Муравьев и составляет старому адмиралу оппозицию, как нагасакские губернаторы столичным послам. Но дела предать нельзя, дело начато, оно многообразно, оно и в официальных и в человеческих отношениях, начатых, завязавшихся, требующих развития! Да разве можно этим пренебрегать? Перед отплытием адмирал Путятин, рассказывая свои впечатления от Японии и японцев и сам проникнутый чувством приближающейся опасности, все более увлекал молодого адмирала, объясняя ему значительность предстоящих действий. Путятину нравилось, что Геннадий Иванович Невельской миролюбив. Его офицеры и казаки, распространяя свое влияние на огромной территории, за пять лет не сделали ни единого выстрела по человеку! Пример небывалый в современной истории!

...Кавадзи подарил адмиралу отличную самурайскую саблю, какие носят японские рыцари, и сказал, что при испытании этой сабли на преступниках были срублены сразу три человеческих головы, а что спинной хребет и кости она резала потом вдоль, легко, как хрящи. Подарок дорогой, да и объяснение к нему прибавлено! Знайте, пришельцы, всю холодность и жестокость воинов Японии. При исполнении долга они не знают пощады ни к себе, ни к врагу. За все время переговоров у Кавадзи его праздничный, как бы мундирный халат был застегнут не слева направо, а справа налево. Как полагает наш востоковед и секретарь адмирала

Гошкевич, такая застезка означает своего рода траур. Готовность к смерти, обреченность! В любой миг пожертвовать своей жизнью или жизнью отвечать перед государством за какую-либо оплошность при переговорах!

«Японию нельзя отдать под влияние враждебных стран, позволить подчинить ее и создать из нашего соседа вечного нашего врага!» – полагает адмирал-посол.

«Создадут и вооружат! И заставят друзей стать врагами! – это мнение Муравьева. – Дадут им в руки современное оружие и укажут на нас – вот ваши враги».

«Надо крепко стоять на позициях и заводить земледелие и судостроение на Амуре и на Сахалине, и угольные ломки», – полагает Невельской.

– Японцам очень нравились Посьет и Гончаров, принимавшие их и старавшиеся занимать гостей. А поначалу Гончарова посчитали за шпиона...

– Не может быть! – всплеснул руками молодой адмирал. – Да он, верно, с любопытством слушал их и наблюдал молча. Вот им и показалось! У них при переговорах всегда присутствует молчаливый чиновник-шпион.

– Он вмешивался всегда в разговор послов, – недовольно сказал старый адмирал. – У них не принято и не прощается.

Жена Евфимия Васильевича теперь в Петербурге. Любя его со всей фанатичностью англичанки, преданной идее, она стала истой православной и горячей поклонницей его открытий. В Париже в православной церкви заказывала молебны.

С войной переехала в Россию. Теперь живет с детьми в родовом имении Путятиных, в селе Пшеничище близ станции Волховской на Московском тракте. И вот не к ней, а от нее, опять от нее, еще дальше, в большое плавание! Евфимий Васильевич улыбнулся, вспомнив ее последнее письмо. Вчера дребезжащий паровой катер доставил через лиман свежую почту.

«Внутренний помощник» – по понятиям японцев. У них отношения семейные скрыты, в обществе женщина не видна, не имеет, казалось бы, никакого значения. Но в семейной жизни ее сила могущественна.

Матрос унес самовар, слышно было, как доливал его, как гудела труба.

– Французские зонтики показались японцам хороши. Послы осматривали их с видом знатоков. Сказали, что невозможно не восхищаться. Парижские зонтики!

– При всей преданности японцев семьям они не скрывают, что существует многочисленный класс женщин, представленных для удовольствий знатных и богатых мужчин... В веселых домах ищут удовлетворения самых грубых и низких потребностей, для чего и избирают очень молоденьких и прелестных собой девиц из бедных семей.

– Рыцарь может без особого наказания разрубить торговца, если тот с ним недостаточно почтителен.

– А что же айны, по их понятиям?

– Послы доказывают, что айны, где бы они ни жили, при-

надлежат японцам.

— Они и мне это доказывали. Должны додуть и выморить айнское племя, забирая женщин и заставляя рожать от японцев. И заселяя их селения... Шалишь! — Невельской сжал волосатую руку в кулак.

Все окно стало красным, и можно, кажется, гасить горевший всю ночь японский фонарь.

Кто бы упрекнул Евфимия Васильевича, если бы он, как Гончаров, возвратился в Петербург! Кавадзи и Тсутсуй толковали в Нагасаки, что соскучились о семьях, находящихся в столице, и вполне понимают русских, два года как ушедших в плавание. А нынче уже не два, а почти три.

Жена в Париже ездила по магазинам, выбирала зонтики. Так милы бывают ее выдумки. Послала от себя столько нежности в таинственную страну. Дамы в Эдо, конечно, поймут.

Одна за другой из Петербурга получены почты. Первый международный договор в истории Японии заключен с Америкой. Но подробности наши газеты не сообщают. Не интересно для петербургского общества. О пустячных новостях из Европы пишут обстоятельно, а об американском договоре — бегло. Посылал Невельской офицеров в море на шлюпках, чтобы найти китобоев-американцев и узнать от них подробности.

...На Окинаве, под пальмами, американец взял за тонкую руку королевского племянника... В Шанхае английский лейтенант рассказывает про Парфенон... В Гонконге томила жа-

ра, а потеки на палубе не просыхали. «Хай-хай!» Японские переводчики кланялись, и сабли их вздымались, как хвосты... Здесь скоро наступит холод, взойдет слепящей красоты солнце. И появятся льды. А нам идти в теплую страну.

– Евфимий Васильевич! – воскликнул Невельской. – С его высочеством великим князем Константином Николаевичем мы были у султана Мухаммеда в Константинополе. Султан умен, наружностью похож на греческого попа. Но неужели мы не отбросим глупую мечту о проливах? Да Сахалин нам нужнее в тысячу раз, и бухты здесь нужней, и Золотой Рог найдется без султана и без Константинополя. Отвоевать святы места? Гарнизон туда пошлем, в это людское месиво? Англичанам мало дела до святых мест, они мощей не признают. А что нам нужно здесь? Топоры и мука! Здесь каждый солдат должен быть плотником! И все! А подлец подлецом останется.

Путятин знал, в чей огород камень. Подлецом осмеливались называть здесь канцлера и министра иностранных дел России. О нем Невельской не мог говорить спокойно.

– А что же в Китае? Как встретили вас в Кантоне?

– В Китае идет жестокая гражданская война. Вся страна охвачена народным восстанием. Повстанцы захватили Нанкин, стоят у Шанхая, сражаются под Кантоном. Полчища их движутся к Пекину. Глава повстанцев Тайпин Ван, как его именуют, объявляет, что европейцы-христиане – братья китайцев, что, захватив власть в свои руки, он и его сторонни-

ки уничтожат торговлю опиумом. Английским коммерсантам такое заявление не понравилось. Главной целью повстанцы поставили перед собой уничтожение царствующей маньчжурской династии.

Это было до прихода экспедиции Путятина в Японию. По пути из Кронштадта адмирал с фрегатом «Паллада» и со шхуной «Восток» заходил в Англию, на Капский мыс, в Сингапур и Гонконг, а потом в Кантон и Шанхай.

Да, адмирал был и в другой закрытой стране – в Китае. Но его считают лишь открывателем Японии, а про его деятельность в Китае не упоминают. А он все время изучал Китай и китайцев.

Вторая часть инструкции, которая дана Путятину правительством, – о Китае. Ему предписывалось зайти в китайские порты. Цель – установление торговых отношений морем. «С морской стороны», как сказано в инструкции. Китайцы после войны с англичанами уступили им остров, на котором построен новый город Гонконг, и открыли для торговли с иностранцами пять своих портов. Русские суда для торговли не допускаются. Российско-Американская компания ведет небольшую морскую торговлю с Китаем, посылая свои товары на имя американского торгового дома Рассел в Шанхае. В инструкции, которая адмиралу дана в Петербурге, указано, что для будущих наших торговых видов желательно, чтобы Россия получила доступ в открытые порты «наравне с прочими». Путятину велено, прибыв в Шанхай и ознако-

мившись с китайским начальством, добиваться дозволения нашим купеческим судам приходить в Шанхай и другие порты. Собирать сведения об американской торговле, о китайских торговых оборотах, о ввозимых в Китай товарах, о народном восстании, об отношении к нам китайцев и их правительства.

«Вон куда они махнули! – подумал Невельской. – Им – все свое!»

В Гонконге Путятин был очень дружелюбно встречен английским обществом. Он решил из Гонконга идти в соседний китайский город Кантон, куда генерал-губернатором и командующим войсками, сражающимися против повстанцев, назначен был от китайского правительства сановник по фамилии Е.

Губернатор Гонконга уверял Путятину, что вряд ли что получится. Английский губернатор и посол за два года лишь один раз смог свидеться с Е.

Но Путятину надо было позаботиться о компанейских пайщиках и исполнять инструкцию. Он перенес свой флаг на паровую шхуну «Восток» и, пройдя между многочисленных голых островов, окружающих Гонконг, вошел в устье реки Жемчужной, поднялся до Кантона и встал напротив города.

Е ответил сразу на письмо адмирала. Россия производит с Китаем сухопутную торговлю через Кяхту, поэтому морская торговля для русских будет убыточной. Порты Китая закрыты для России. Торговые суда русских не могут приходить в

Китай. Идет война, враги стоят у Кантона, и генерал Е занят военными делами и не имеет свободного времени для приема адмирала.

Про военные суда русских Е ничего не писал. Запрета, значит, не было.

В Шанхае Путятин остановился у американца Канингхама, уполномоченного фирмы Рассел, торговавшего компанейским товаром. Канингхам – американский консул, и одновременно он – русский консул.

За обедами у Канингхама адмирал перезнакомился с шанхайскими английскими купцами. Им известно, что Путятин служил в Англии, женат на англичанке. Об этом не говорили, как принято в хорошем обществе.

Нессельроде был прав, назначая Путятину командующим экспедиционной эскадрой. Содействие и доверие англичан Путятину выказывались более, чем кому-либо другому. А Рикорд хотел, чтобы в Японию шел Муравьев! Английские купцы жаловались на китайцев, советовали адмиралу действовать решительней.

Известно, что русские суда идут на Аляску и Камчатку, и для этого Путятин запасался в Шанхае углем и продовольствием. Но вскоре всем стало известно, что адмирал зайдет в Японию. И эта цель Путятин была понятна англичанам.

Впоследствии, приходя в Шанхай для пополнения продовольствия, как считалось, Путятин узнал от Канингхама о движении американской эскадры, о приготовлениях англий-

ских и французских эскадр к войне и получил все необходимые сведения о торговле англичан. Англичане ввозили в Китай сотни тысяч дюжин изящных носовых платков, скатерти, женское белье, изделия из коттона, гвозди, инструменты, ласточкины гнезда для аристократических кухонь и опиум. Вывозили: чай, рис и бобы, шелка и фарфор. Год от года ввоз и вывоз всех товаров быстро рос.

Канингхам обещал продолжать сбор сведений.

Казалось бы, Путятин сразу же обогнал Перри, установив с японцами лучшие отношения и получив их обязательство. Но что же теперь? Перри воспользовался войной. Он заключил договор, обогнал Путятину.

Путятин не хочет отступать. Он снова идет...

– Основатель Гонконга Эллиот, говорят, отличный художник и разочарованный человек, – сказал Путятин. – Его сами же англичане удалили и не признают.

Дверь распахнулась, и открылся вид на высокое и чистое совершенно красное от разгоревшейся зари небо. Донесся утренний, особенно чистый и свежий, воздух. Море шумело легко, и кричали птицы.

С трапа, перекинутого из новой избы без крыльца на траву, молодой офицер перешагнул через порог.

– На вельботе прибыл за вами, Евфимий Васильевич!

Адмирал Путятин встал. Адмирал Невельской погасил фонарь и свечу.

По отмелям и между пеньков солдаты шагали на салют

к батарее. Пахнуло казармой, карболкой и табаком. На пристани строился почетный караул и сверкали трубы оркестра.

К вельботу адмиралы шли по завалам мокрых водорослей, как по свежему сену в воде.

Наступал день отплытия в большое и трудное плавание, 24 сентября 1854 года.

На пустынном просторе печально стояли два корабля без парусов.

Глава 2. Два новых порта

Тяжело груженный фрегат с заполненными парусами шел легко, рассекая ударами форштевня накаты мутных волн. Над пеной волн неслась молодая богиня с высокой грудью и гордо поднятой головой. Она, казалось сейчас свободному от вахты лейтенанту Алексею Сибирцеву, вела на открытие этот стройный корабль со всей массой офицеров и матросов.

Алексей так и сказал Вере год назад, когда уходили из Кронштадта, чем немало смутил ее. Право, Верочка Вергильева походит на Диану; дать ей копье в руки, лук, диадему как месяц и – на колесницу. Вера высока ростом, почти с Алексея, отлично ездит верхом, в бальном платье ее белые плечи как у метателя диска.

Какие диадемы и сокровища привезет ей Алексей Сибирцев из экзотических стран?

Вот она ведет нас, может быть, на подвиг, не страшась пляски гребней, скользит над волнами, и потоки струй, как ее распущенные волосы, охватывают весь корабль. Затекали по краям и почернели нижние тяжелые паруса.

Девственная богиня и адмиральский флаг на мачте – вот символы, под которыми пройдет плавание, а может быть, и неравная смертельная схватка с врагом.

Адмирал, верно, готов ко всему, он знает, на что идет. Вон на мостике его высокая фигура в фуражке с красным око-

лышем. Евфимий Васильевич сумрачно смотрит на отдаляющийся берег.

Мыс Лазарева с сопкой в скалах отплывает за кормой. Сдвигаются березняки в желтой листве и вырубки с казармами и офицерскими флигелями, насыпи земли с торчащими жерлами корабельных орудий. Мыс становится все ниже и длинней, словно вытягивается, и наконец сливается с тайгой на Сахалине в сплошной берег, закрывая пролив, как ворота.

«Остров богатств и пастбищ... Климат умеренный» – так прочел недавно Алексей Николаевич в книге Крузенштерна из адмиральской библиотеки.

Будущие поколения построят мосты, соединят остров с материком. Уже сейчас здешние деятели мечтают о смелых планах и хотят протянуть железную дорогу от Петербурга к берегам Тихого океана, пробивая хребты и перекидывая мосты через реки и проливы.

Повернувшись на каблуках, Алексей Николаевич прошел за рубку. Полукруглую корму фрегата ниже огромного двуглавого орла и балкона адмиральской каюты облегал кранец, сплетенный из канатов в форме полумесяца.

На длинном буксире, роясь в волнах, шла вдаль разоруженная «Паллада». Остролицая богиня в шлеме падала лицом на воду, словно рыдая и пытаясь привести себя в чувство. Когда она окуналась головой в волну, ветер вздымал вихри ее поседевших косм.

Молодая и торжествующая «Диана» вела в тихую гавань

постаревшую и покинутую богиню. На «Палладе» теперь чужие люди. Как только «Диана» выведет ее подводным каналом, фарватером течения Амура, которое тут продолжается в море, и «Паллада» окажется на глубине, на ней поставят паруса на фальшивом вооружении.

Вон видно, как к штурвалу, где стоял рулевой, подошел коренастый человек в черной шинели с золотыми пуговицами. Он что-то сказал рулевому. Потом быстро перешел к одному из матросов, работавших на палубе, что-то стал объяснять и взял его за ворот куртки. Сразу можно догадаться, что капитан Лесовский отдает распоряжение.

А берег мыса Лазарева уже синь, как далекое облако вокруг купола сопки. «Прощайте, товарищи», – думает Сибирцев. Еще в начале плавания в Атлантическом океане Алексей Николаевич спрашивал Александра Можайского, как должно поступать, когда чувствуешь себя оскорбленным за людей.

Как вообще должен поступать благородный человек в эпоху, когда несправедливость и беззаконие так привычны и многочисленны, что борьба против них представляется чуть ли не бесполезной? Саша Можайский, увлеченный своими научными экспериментами, кажется, наблюдал лишь за жизнью в физической среде, а не в обществе. Скольжение плоскости в воздухе, фотография и законы светописи, значение гребного винта в воде и множество других предметов целиком поглощали его.

Странно было слышать, когда такой могучий человек отвечал, что каждый из нас бессилен. Однако добавил потом, что не совсем так, а это лишь кажется. Если я бессилен остановить кулак капитана, то я могу помочь человеку в более широком значении... Кто дает деятельность и возможность творить, невольно является моим союзником, и наоборот. Человек бессилён, пока не познает законы природы.

Леша наблюдал в Портсмуте, как глубоко бесправны и нищие люди без средств, или страдающие болезнями, или просто стоящие на нижних ступенях общества, хотя там, казалось бы, все свободны и независимы по закону. А живут в нужде и унижении, но под гипнозом сознания достоинства.

Лейтенант барон Шиллинг, проходя, заметил, что Сибирцев смотрит на «Палладу», где Степан Степанович действует согласно собственным понятиям о долге и дисциплине.

– А у нас теперь можно вздохнуть свободно, пока нет капитана, – приостанавливаясь, сказал барон.

Алексей Николаевич знает – все офицеры рады, что капитан хотя бы временно перешел на разоруженную «Палладу». Впрочем, может быть, присутствие адмирала, поднявшего свой флаг на «Диане», остепенит его.

Капитан нелюбим. Во время перехода через Атлантический и Тихий океаны все узнали его жесткий нрав.

Алексей Николаевич и сам наказывал за небрежность, опасную для всех, когда и не обойтись иначе, по понятиям общим. Алексея и самого били в корпусе, как и всех про-

шедших через закрытые военные учебные заведения. Били старшие кадеты, когда учился в младших классах, объезжали, вскакивая на плечи и заставляя катать себя. За провинности кадетов начальство секло беспощадно или слегка, но при порке еще постоянно приходилось присутствовать, и иногда весь строй детей в военной форме, вытянувшись перед истязаемым товарищем, не выдерживал, выкрикивая сначала вразнобой, а потом хором: «Хватит, хватит, довольно, довольно!» Детские голоса становились все отчаянней, не слезы, а мужество слышалось в них.

Но за последние годы Алексей Николаевич, более под воздействием гуманных философских взглядов, доходивших в образованную среду морского офицерства через книги, стал ощущать всю свою высоту, чистоту и благородство, когда чувствовал, что руки его чисты, что он не съездил по рожу матроса, когда было «положено», а мог бы это сделать, «съездить» его по тройному праву: как нижнего чина, как крепостного и как сам битый, драный, приученный с малых лет к сечке, лупке, порке, дранью, к голоду, к невероятно-му физическому напряжению и терпению. Знаменитый Иван Федорович Крузенштерн старался смягчить нравы кадетов и способы их воспитания в корпусе, будучи его директором. Но и при нем придерживались все же западной, немецкой, даже прусской, системы выработки характера и мужества в военных учебных заведениях.

Били не только в России. Били в Англии, драли и секли

благородных лордов, потомственных моряков. Всюду драли. Поэтому и пробуждался такой могучий протест в обществе всех стран Европы против телесных наказаний. Даже в Америке начинали говорить о правах негров.

В портах строго следили за матросами, чтобы не дрались, не безобразничали. Наверно, ни один флот не являлся в порты государств с такими образцовыми, покорными и прилежными матросами, как русские под надзором унтеров и лейтенантов.

Достойным противником для драк считали англичан. И русскому доставалось, и британцу прилетали плюхи.

«Но ради чего погибнут сотни тысяч молодых жизней в этой войне? – подумал Алексей Николаевич. – Ради гордости против гордости? Осиротевшие семьи пойдут на поклон к меняле, ростовщику, продадут дочерей, попадут в когти, которые куда нестрашней британской гордости». Ему стало стыдно своих мыслей.

– Ваше благородие, – послышался за спиной голос боцмана, – поберегитесь.

Матросы, босые, в парусиновых штанах и в просмоленных куртках, отводили снасть.

На «Диане» почти тридцать офицеров и более пятисот матросов. Адмирал выбрал лучших из экипажей «Дианы» и «Паллады». Остальные офицеры и матросы «Паллады» и «Дианы» временно вписаны на берег в распоряжение адмирала Невельского, который хочет их вооружить топорами.

На «Диане» теперь не всех офицеров знаешь, здороваешься за столом, отдаешь честь или стоишь на молитве, служишь с ними плечом к плечу, но подлинных знакомств с палладскими еще нет. Алексей Николаевич сходится с товарищами быстро и легко, может свободно заговорить и даже приноровиться к собеседнику. Но, знакомясь, умеет держаться на расстоянии. У него всегда много товарищей, но дружит он с немногими.

По борту быстро, мелкими шажками прошел, никого не замечая, лейтенант Можайский. Он наблюдал полет какой-то черной ширококрылой птицы.

– Здоровый у них лейтенант, – сказал слегка конопатый матрос Василий Букреев, дивясь саженному росту Можайского. – Давеча они с Евфим Васильичем стояли. Так лейтенант выше.

Василий закрепил снасть и стал глядеть на фрегат на буксире.

– Идите, ребята, – молвил боцман Черный.

– Пойдем закурим, – сказал Василию матрос Сидоров.

– И что он все смотрит? – спросил Васька про лейтенанта.

– Верно, хочет нарисовать.

Команда вышколена. Букреев умеет взбежать по вантам, не держась пробежать по рее. Да никогда бы прежде не поверил, что человек на это способен. А прошли годы, и он сам всему обучился. Теперь матрос первой статьи ходит по дереву, как кошка, а не человек.

– Мордобой, сука, на «Палладе»! – сказал Васька про капитана Лесовского.

– Свое отслужила, – задумчиво сказал Митрий.

Корабль шел, не уменьшая парусности. Адмирал на мостике. Он не приказывает рифить. Значит, шторм не разыграется.

«Приготовиться выбирать буксир», – раздался условный свисток. Матросы поднялись и побежали на корму. На «Палладе» отдали буксир. На корме «Дианы» стали крутить лебедку, выбирая канат.

Адмирал откозырял офицерам и сошел с мостика. Лейтенант Пещуров, с юношеским пушком усов на свежем лице, шел с ним рядом крупным шагом, держа ногу. Адмирал шагал тяжелой торжественной походкой. Видно, что он доволен, полон решимости, воодушевления, и это чувство передавалось Сибирцеву и матросам. Корабль, со всей командой и офицерами, казалось, начинал становиться единым живым существом.

Адмирал прошел вниз, к себе в салон. На стене висела сабля, подарок японского посла, та самая, которой срублено при испытании три человеческих головы. Путятину не по душе все эти жестокости, и в свое время он мысленно помолился за упокой душ трех мучеников, погибших при казни.

– Букреев, живо... Корабельного плотника к адмиралу! – сказал боцман Черный.

– Эй, Глухарев, тебе к адмиралу. Он к себе пошел в велел

тебя позвать.

– Позовите, ребята, Глухарева... Эй, живо!

– Да вон он, здесь. Чего кричишь? Идет.

Через некоторое время адмирал вызвал лейтенанта Сибирцева.

– Пожалуйста, садитесь, Алексей Николаевич. Довольны вы книгой Крузенштерна? Я бы хотел, чтобы вы занялись японским языком.

– Я охотно... – несколько растерявшись, ответил Алексей Николаевич.

– Пожалуйста, пойдите к моему секретарю, Осипу Антоновичу Гошкевичу, и скажите ему, что я просил заняться с вами японским языком.

– Многие английские офицеры, с которыми мы, видимо, не раз встретимся, – участники китайской войны за право ввозить опиум в Китай, – рассказывал у себя в каюте Гошкевич. Он молод, велик ростом, у него модно выстриженная белокурая голова. Его длинные ноги в полосатых штанах, а по светлому жилету пущена золотая цепочка с брелоками. – Теперь англичане подымут свою китайскую эскадру против нас и пришлют винтовые суда из Гонконга. Новый их город и порт Гонконг – прелюбопытнейшее место. Но климат гнилой. Еще увидим с вами гонконгские крейсера!

Дианские офицеры и матросы с охотой слушают рассказы своих палладских товарищей, побывавших в Японии. Гошкевич сразу после окончания семинарии служил много лет

в Китае при православной духовной миссии, которая существует в столице Китая с семнадцатого столетия, с тех пор, когда пала русская Албазинская крепость на Амуре. Тогда китайский богдыхан разрешил открыть в Пекине русскую духовную миссию для взятых в плен на Амуре и уведенных в Китай казаков-албазинцев. В Пекине построили православную церковь, дома для миссионеров, службы, школу для детей и общежитие, и все под черепицей и за низкой каменной стеной, крытой черепицей же. Получив смолоду прекрасную практику в Пекине, Гошкевич свободно говорит и пишет по-китайски, может письменно объясняться с японцами иероглифами, которые в японском и китайском языках разное произносятся, но имеют одинаковое значение. За время стоянок в Нагасаки Гошкевич порядочно изучил японский разговорный язык и собственно японскую слоговую азбуку. Алексей Николаевич полагает, что на занятиях сможет узнать от молодого ученого, дипломатического секретаря еще многое, что очень важно и нужно для офицера, идущего в Японию.

Алексей Николаевич чувствовал, что Евфимий Васильевич, кажется, благоволит к нему. Надо не разочаровать адмирала! Трудная задача, тем более придется учиться по-японски! Никогда бы и в голову не пришло самому что-то подобное.

Поговорили с Осипом Антоновичем, условились о занятиях и разошлись.

На судне тихо, как всегда в самом начале плавания, когда только что пошли. Прекратились суэта, прощания, умолкли голоса. Чувствуется по всему, что дело начато, наступила новая пора. Офицеры разбрелись по каютам, разбираются там с вещами и с делами, может быть, записывают впечатления, каждый ведет дневник. Шутка ли, идем в Японию! Все записки будут потом интересны.

«Пора и мне», – подумал Александр Федорович Можайский, глядя на опустевшую палубу.

Согнувшись пониже, как только мог, чтобы не задеть головой окрытие над трапом, мелкими шажками скатился вниз. Вошел в каюту, сбросил шинель и сел к столу, где книги, и наглухо упакованные ящики с серебряными пластинками в футлярах для съёмок дагерротипом, и химические растворы в бутылках. На спинке стула висит пробковый пояс. Саша посмотрел на него. «Что-то будет...» – подумал он и закинул пояс на принайтовленный к переборке шкаффик.

Ночью наверху забегали, началась возня, словно что-то волочили по палубе. Алексей Николаевич засветил свечу и посмотрел на часы. Скоро склянки. Пора на вахту.

Загрохотал якорь. Дважды ударили в рынду. Слышны были крики. Травили канат через носовой клюз.

Лейтенант поднялся наверх. Воздух прохладный, но гораздо теплее, чем на мысу Лазарева. При свете полной луны виден черный силуэт берега. У подножия горы мелькал оди-

нокий огонек.

– Сдаю вахту в совершенном порядке, – сказал лейтенант барон Шиллинг.

– Благодарю вас, господин барон, за отличную погоду. Мы в Де-Кастри?

– Так точно, господин лейтенант. У входа в бухту.

– Спасибо, Николай, – дружественно молвил Сибирцев. – Иди и спи спокойно.

– Спасибо, Алексей!

Подошел старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, или, как все звали его на корабле, Александр Сергеевич Пушкин. У него густые усы, как щетка, и большие уши.

...На рассвете потянул холодный ветерок, поставили паруса и вошли в бухту. Отдали якорь и выпалили из пушки. С берега ответили из-за берез дымком и слабым выстрелом единорога.

– Даже наказывать людей не за что! – мрачно пошутил Мусин-Пушкин.

Все делалось быстро и аккуратно. И этот камень, как понял Алексей Николаевич, в огород Степана Степаныча. Ведь он бы нашел, за что!

К борту «Дианы» подошел баркас. По трапу поднялись морской офицер с глубоко запавшими щеками и румяный казачий урядник с ружьем. Офицера провели к адмиралу. Урядник отвечал на расспросы матросов.

В баркас погрузили мешки с мукой.

Вскоре офицер, урядник и казаки, сидевшие на веслах, отвалили.

Адмирал пригласил к себе Алексея Николаевича и попросил доставить на берег визит и подарки для Елизаветы Осиповны, супруги начальника поста Александра Васильевича Бачманова.

Солнце сильно грело. Окно офицерского флигеля открыто. На крыльце Алексей услышал, как приятный женский голос что-то читает вслух по-английски. Сибирцев не удивил-ся бы, если б читали по-французски.

Встретил приезжавший на судно офицер. Жена его поздоровалась и вышла из комнаты. На круглом столе английский журнал «Иллюстрированные лондонские новости».

На другом столе бумаги, какие-то планы, циркуль, линейка и карандаши на александрийском листе, прикрепленном кнопками. Начат какой-то чертеж.

Переодевшись, Бачманова возвратилась и пригласила гостя в столовую.

В окно виден барак, крытый корьем, две пушки за земляным бруствером и березы на берегу моря.

Бачманов стал рассказывать про экспедицию, в которой служит. Он, инженер, приглашен Невельским из Петербурга, чтобы построить здесь первый винтовой пароход для будущего Тихоокеанского флота. Но пока ничего этого начать нельзя.

Бачманов послал великому князю Константину проект усовершенствованной паровой машины. В избе, на берегу замерзшего Охотского моря он чертил детали своего изобретения под вой пурги.

Ответ из Петербурга получен сегодня. За отличный проект машины для кораблей с гребным винтом Александр Васильевич высочайше награжден изумрудным перстнем.

Большой док на Амуре строить не разрешено. Южные гавани, как пишет Невельской, занимать пока не велено. В Николаевске строится малый эллинг. Проект машины Бачманова передан столичному заводу.

Бачманов временно назначен, за неимением другой должности, а также по знанию им иностранных языков, начальником поста в бухте Де-Кастри, где надо строить флигель, казарму и склад и придется еще встречаться с иностранцами.

– Ну а какие ваши идеи, молодой человек? – вдруг весело спросил он.

Лешу в глубине души покорило. Под словом «идеи» за последнее время в офицерском обществе принимается бог знает что, и вообще это слово употребляется лишь в ироническом смысле.

– Мои идеи? – в тон Александру Васильевичу, но и с некоторой заносчивостью сказал он. – Умереть за веру, государя и отечество...

После чая Бачмановы предложили пойти прогуляться и посмотреть новый пост. Час оставался у Алексея Николае-

вича в его распоряжении.

Елизавета Осиповна Бачманова говорила по-русски с легким акцентом.

– Здесь мы лето прожили, как на даче. К зиме мы переедем в город, где мой муж очень увлечен проектом на доке.

У вельбота Алексей Николаевич простился с гостеприимными хозяевами.

В шлюпке он вспомнил про изумрудный перстень и южные гавани. Что-то теплое и заманчивое послышалось Алексею Николаевичу в суждениях супругов. Их тут всех влечет на юг, как в штормовой ветер. Что же там, в этих солнечных гаванях, заросших по берегам дубовыми лесами и виноградом? Сибирцев почувствовал, что и он невольно поддается, что и его тянет туда же. Говорят, оттуда близко до Японии, Китая, Гонконга... Изумрудный перстень, проект новейшей машины, красавица англичанка, березовые леса, тюльпаны в зеленой траве...

Возвратившись на «Диану», доложил Евфимию Васильевичу, что подарки с почтительностью приняты, а в ответ прислана для кают-компания бочка с клюквой и свежая рыба для команды.

Сибирцев не сдержался и заговорил про бухты на юге края.

– Я был на «Палладе», – мрачно сказал Путятин. – Там наше будущее!

Но между ним и этим будущим стояли почти непреодоли-

мые препятствия.

«Госпожа Бачманова – англичанка. Как странно! – думал Алексей, спустившись к себе. – Гарнизон Александра Васильевича наготове для отражения англичан и французов. Жена Муравьева француженка, жена нашего адмирала англичанка. У нее родня в Ливерпуле. В этом обществе и различий не чувствуется. В то же время братья и кузены губернаторши и адмиральши ждут нас в море и постараются пустить на дно. Долг их? Долг наш? Нет, что-то еще не угадано человечеством и, право, обедняет нас. Как это странно. Кажется, начинаешь в путешествии отвлеченно мыслить? Не развивается ли способность анализировать? Или, чего доброго, займешься изобретениями, как Александр Можайский!» Изготовление машин – привлекательнейшее занятие и для Сибирцева.

Через два дня «Диана», спустившись южнее, пошла на сплошной «железный» берег, словно желая удариться о скалы и разбиться. Открылись каменные ворота, словно раздвинулись кулисы в театре. На «Диане» убрали паруса, спустили баркасы и шлюпки. Фрегат пошел в каменные ворота на буксире гребных судов.

Сопки горят на солнце осенней желтизной. Да, тут хорошо! Хотя это еще не заветный юг. Жара, как в разгар лета. Дома, склады и казармы с дверьми и окнами, которые забиты досками, начатая церковь – все цело. Даже брустверы укреплений, на которые адмирал нынче летом ставил орудия, сни-

мая их с кораблей. А потом опять пушки пришлось подымать на суда.

Дианские офицеры рассматривали в подзорные трубы заливы и бухты, расходившиеся в глубокую даль между осенних сопок, осыпанных рыжью берез и лиственниц, как мелкой щетиной. Вода неподвижна. Это чистейшее зеркало, не верилось, что неподалеку, за каменными воротами входа в бухту, в отвесы берега била океанская волна.

Алексей Николаевич теперь все сильнее и сильнее желал увидеть таинственные заливы и бухты юга, скрытые за островами среди гор и скал, оплетенных лесами и виноградниками.

...Впервые Евфимий Васильевич прибыл сюда нынче ранним летом, начал укрепляться и ждать врага. Сейчас он почувствовал, что уже связан с этой землей. Не хотелось бы отступаться от начатого тут дела. Он подумал, что придется ему заботиться об устройстве этой гавани, может быть, со временем строить тут порт, и как знать, не окажется ли это чем-то более нужным и важным, чем многое другое.

Он сам описывал никем не занятые гавани на юге, и самую большую из них назвал в честь Константина Николаевича Посьета.

Узнав, что война началась, он прервал опись и пришел с флотом сюда, в залив Императора Николая, поближе к устью Амура.

В этой гавани не только временное убежище его эскадры,

ушедшей от встречи с врагом. Вид просторных бухт, закрытых от ветров, сам за себя говорил. Берег тут приглуб, удобен для устройства причалов, для самых больших судов. И Япония рядом.

Но адмирал знает, что пока еще не смеет обольщаться подобными планами.

Казаки, охранявшие пост, выстроились на берегу. На стене казармы сушились на солнце шкуры лосей и медведей. На вешалах красными гроздьями висит рыба.

– Дьячков, как ты тут управлялся?

– Слава богу, Евфим Васильич.

– А-а! Молодец.

– Рад стараться.

Утром на кладбище, где похоронены казаки и матросы, выстроились две роты из экипажа «Дианы».

– На молитву шапки долой! – раздалась команда. Обнажились головы. Отец Василий Махов в облачении читал молитву. Запел матросский хор. Люди смотрели на бугры, поросшие травой, с едва потемневшими крестами из лиственницы, и почти каждый думал о том, что и где ждет его, в какой бухте и когда придется лечь под таким же холмом...

«Палладу» поставили под лесистым скатом и подтянули канатами, закрепив их за свежие пни. Команда убрала фальшивое вооружение, скатала ненужные теперь паруса. Довольный, раскрасневшийся Степан Степанович возвратился на «Диану». Выкаченные белые глаза его обежали палубу,

снасти, ванты, лица людей.

– Казаки с «Палладой» не управятся! – сказал капитан, сидя в салоне у Евфимия Васильевича.

Ночью ударил мороз. Офицеры и матросы, несшие вахту, надели полушубки. Небольшой ветерок с моря жег лица, как в стужу. Утром палубы обоих фрегатов, мачты и все надстройки белы от инея. Белы крыши зданий на берегу. Яркое солнце вышло из-за сопки, ударило горячими лучами, палуба намокла, а на берегу хлынуло с крыш, как в ливень.

– Мне не хочется оставлять тут наших людей. Однако есть опасность, что если поручить наблюдение за «Палладой» казакам, то они не справятся и в случае нападения фрегат достанется англичанам, – говорил адмирал в этот день, идя с Посъетом и Пещуровым над обрывом среди кустарников, на которых кое-где еще уцелели одинокие желтые листья. – Придется половину здешних казаков заменить нашими людьми.

На корабле Путятин приказал капитану:

– Оставьте здесь пять человек матросов. Выберите унтер-офицера, оставьте продовольствие, оружие, порох, все инструменты и зимнюю одежду. До прибытия назначенного сюда адмиралом Невельским нового начальника поста прапорщика Кузнецова с мыса Лазарева назначьте временно исполняющим обязанности командира порта унтер-офицера Мокрушева. В помощь ему останется урядник Пестряков. Он здесь все знает. Пятерых казаков возьмем с собой. Они

еще пригодятся. Все зимовали на Сахалине и знают японцев.

Адмирал сам отдавал инструкции унтер-офицеру и уряднику.

– Постоянная вахта должна быть у вас у входа в гавань на острове Устрица. Сами начеку, и все наготове, чтобы корабль взлетел на воздух, едва приблизится враг. Мокрушев, не держи людей без дела. У меня шестьсот человек, а у тебя с Пестряковым десять, и тебе трудней моего. Каждый человек на счету. Не дай бог, начнут ссориться от безделья. Занимай их рубкой леса, посылай на охоту. Зимой надо выкалывать лед, как делается у нас на Неве. На «Палладе» остался запас муки и соли. Выгрузите все и свезите в амбар. Порох, кроме заряда для взрыва, свезите на берег и поместите в погреб, который вырыли летом. Подведите шнур к пороховому погребу. Держите наготове бочки с порохом на «Палладе». У Пестрякова есть упряжка собак, для них надо наготовить юколы. Надо наморозить рыбы для команды... Занятия продолжать обязательно. Учите людей строю, шагистике и ружейным приемам, чтобы без дела не скучали.

– Да, тут много наших померло. Зимовали экипажи «Иртыша» и компанейского корабля, – объяснял палладский матрос своим новым дианским товарищам. – Если бы мы на «Палладе» не успели, они все погибли бы от цинги и голода.

Адмирал стоял наверху. Отправив десант на берег, он оглядывал с юта синие дали бухт среди желтых лесов и черных скал.

...Можайский объяснял юнкеру Корнилову про светочувствительность серебряной пластинки и про влияние паров ртути на закрепление изображения.

– Ненавижу англичан! – сказал Сибирцеву штурманский поручик Елкин. – Неужели они и сюда доберутся... – Елкин закончил промеры, вычертил и сдал карты. Он поднялся посмотреть еще раз на необыкновенную гавань перед уходом.

– Повидали два новых порта? – спросил его Алексей Николаевич. – Зарисовали их, описали в дневнике?

Все готово к уходу в плавание, но «Диана» почему-то задерживается, словно адмиралу, который так рвался в Японию, жаль вдруг стало покидать свои берега.

– Никуда не пойдем, господа, не распалайте своего воображения, – сказал Елкин. – Адмирала нашего плохо знаете. Он пошел в Японию, а теперь начнет сомневаться, колебаться и кончит тем, что останется тут на зимовку. Императорская гавань – это дыра, где вечно будут мереть люди от цинги. Кто сюда дойдет, тот не выберется. Тут голодней, чем на Аляске.

Можайский полагал, что поручик ошибается. Адмирал входил во все детали предстоящих съемок дагерротипом. Не здесь же мы будем этим заниматься!

Путятин ушел к себе, сидел в каюте и думал, что на устье Амура он, кажется, освободился от всех неприятных ему людей. Все готово к уходу в дальнейшее плавание. От всех интриг освободился... От капитана Унковского с его странностями.

ми. Но, кажется, опять неприятные проявления начинаются. Люди не заняты делом, как следует. Распущены. Поэтому не умеют держать себя в железной узде, позволяют себе ослаблять нервы. От всех освободился, кто мешал, но человек грешен... И от себя не освободишься...

Что, если Япония имеет большое значение не для Петербурга, а для нашего будущего здесь? Петербург и Москва пока очень далеки отсюда. Хотя каждый раз, когда Евфимий Васильевич пишет бумаги канцлеру и министру иностранных дел Карлу Васильевичу, он чувствует себя на такой служебной высоте и при исполнении такого высокого долга, словно и не уезжал из Петербурга. Но сегодня эта высота мешает Евфимию Васильевичу, ему кажется, что, может быть, отдав распоряжения остающимся здесь морякам и солдатам, он и дальше должен бы действовать в этом же духе. Но тогда опять Петербург тускнел и куда-то отступал, а этого тоже нельзя позволить. Являлась какая-то двойственность, опять нет покоя! Хотя избавился от тех личностей, которые, служа на «Палладе», составляли отдельное, несогласное с адмиралом общество и тормозили дело.

Через окно в салоне Евфимий Васильевич смотрел на берег, он вспоминал, как сам жил здесь. «Это мое завоевание, совершенное без опиума и без водки! Мы еще придем сюда... Я еще приду. Еще много придется потрудиться для этой земли. Эта гавань – загвоздка».

Адмирал встал и прошелся по салону.

«Если посол петербургского правительства так задумывается, что это означает? Что-о?» — хотелось завизжать, сжав кулаки.

В Нагасаки так случилось с Евфимием Васильевичем, что он оборвал переговоры, и об этом офицеры его рассказывали на мысу Лазарева и на устье Амура. Он еще 4 января предлагал японцам заключить договор. Уполномоченные ответили, что договор будет и Россия получит все преимущества, но пусть пройдет время, сейчас умер старый сиюгун, молодому сиюгуну нельзя сразу изменять политику, послы сами ничего не могут решить без согласия высшего правительства. Путятин заявил, что поскольку у них нет полномочий, то он уходит. А уходить надо было не из-за этого. Ждали объявления войны.

Офицеры расхвастались потом в Шанхае и в Гонконге про удачные переговоры и про обещание, данное японцами. Преувеличенные сведения об успехе русских передавались европейскими купцами. Американцы приняли эти известия очень серьезно и сразу взялись за дело. Первое в истории соревнование между русскими и американцами, и что же теперь? В газетах есть сообщения, что американцы уже заключили договор. Как они действовали? Подробности пока неясны.

Чего только не пришлось наслушаться у своих берегов за эти два месяца. «Они злы здесь, словно сидят со связанными руками и ненавидят мое посольство больше, чем французов.

Карл Васильич им мешает! Что они только про него не толкуют! Что же скажут про меня?» Да так и скажут:

«Японцы куда благородней, приятней, и дипломатическая борьба с ними, скажут, ему куда более подходит, чем забота о коренных интересах России, благо, мол, что он и выглядит там, как просветитель...»

– Дьячков, ты, говорят, знаешь по-японски? – спрашивал адмирал у низкорослого смуглого казака.

– Маленько обучился.

– Где же ты учился?

– В крепости жил на Сахалине всю зиму.

– Да, я знаю! Что же ты там делал?

– Мне их благородие, господин Буссе, велел быть переводчиком.

– А ты?

– Я старался, ваше превосходительство.

– Будешь учиться и дальше.

– Рад стараться, ваше превосходительство.

– Были у тебя знакомые японцы?

– Много было.

– Как же они с тобой обходились?

– Очень хорошо, ваше превосходительство. Да со мной все хорошо. Чего с меня возьмешь!

Адмирал вызвал Лесовского и отдал приказание:

– Молебен перед отходом. Туман разойдется, и пойдем.

Утром Дьячков стоял в строю. Сам он не пел, но слушал

и чувствовал всю красоту пения. Как-то легче идти после такой торжественной службы. Нравилась ему и набожность адмирала. И капитан молился! Еще молодой, а, говорят, жи-водер, всем зубы чистит.

– Дождь был? – спрашивает кто-то тихо.

– Ты что?

– Почему палуба мокрая? А небо ясное, как летом.

– Да ведро.

«Все кончено, господа! – хотелось бы сказать адмиралу, обратясь к офицерам. – Прощай, наша верная „Паллада“! Обошла вокруг света и теперь встала без мачт в пустынной гавани подле крестов наших первых открывателей!» Но он не умел говорить речей.

Адмирал перекрестил на прощание урядника и своего унтер-офицера, обнял их и поцеловал.

Шлюпка отвезла их на берег. Мокрушев и Пестряков выпрыгнули на песок.

Когда на буксире гребных судов «Диана» пошла к выходу из гавани, на берегу, среди пеньков, грянул залп. Матросы в куртках и забайкальцы в папах и полушубках, туго затянутых ремнями, салютовали, подняв вверх штуцера и кремневые ружья.

Адмирал ушел в каюту и задумался над картой, вычерченной поручиком Елкиным.

Вскоре корабль начало покачивать. Наверху слышался надежный голос Степана Степановича.

«Диана» почувствовала первые удары морских волн...

Глава 3. Переход в Японском море

Серый осенний день. Море чуть морщится и кажется под серым небом маленьким, как небольшое озеро. Ровная поверхность воды без берегов окружает корабль со всех сторон одинаковым кругом. «Диана» все время в центре этой площади, и кажется, что она с наполненными парусами стоит на месте, хотя под бугшпритом журчит рассеченная вода.

В Японском море довольно прохладно. Адмирал не хочет снова идти в открытый для «варваров» порт Нагасаки. «Диана» идет к Сангарскому проливу в Хакодате. Этот порт у дальнего выхода из пролива в океан должен быть уже открыт для иностранцев, по заключенному американцами договору. «Да, любопытно, – думает Алексей Сибирцев, – откроется ли Япония? Даже себе не веришь! Однако идем!»

Ночью Алексей стоял на вахте. Делали обсервацию, и получается, что остров Матсмай² близко. Какая-то будет погода! Сегодня пятница. Вышли из Императорской в прошлую субботу. Позавчера «Диану» прихватил прошедший стороной шторм.

– Идемте в кают-компанию, господа, – появляясь на палубе, сказал лейтенант барон Шиллинг, обращаясь к свободным от вахты юнкерам Лазареву и Корнилову, которые о чем-то говорили горячо.

---

² Теперь – Хоккайдо.

– На выставку, Алексей Николаевич, – подходя, сказал штурманский поручик Елкин, – посмотрим новые произведения Можайского!

Елкин белокур и белобров, как альбинос, от этого румяное лицо его кажется красным как кумач.

– Рад, что ошибся в своих предположениях и зря побрюзжал? – ласково спросил Сибирцев, беря Петра Ильича под руку.

Елкин скатился по трапу и, не сбавляя шага, пошел по кают-компании:

– Знакомые вам ландшафты Императорской гавани... Портрет тунгуса Афони... Могилы наших солдат и матросов! Дагерротип с изображением капитана... Может быть, впрочем, – он сделал полный оборот, как в строю, – автор сам даст объяснения?

Александр Федорович Можайский сидел в кресле, выпрямив спину, как на параде. Он вытянул шею, держа в руке кисть, как ручку, с которой могло капнуть.

Ему, видно, хотелось пустить чего-то яркого в осеннюю желтизну хвойных лесов, на сопках обступивших трещины синих бухт. В одной из них с черными мачтами стояла «Диана», а поодаль – плоская, залитая солнцем пустая палуба «Паллады».

– Какая женщина, господа! Где вы нашли такую, Александр Федорович? Маг и волшебник!

– Господа! Адмирал не разрешит держать эту картину в

кают-компаний! – заявил толстый мичман Зеленой.

– Да в салоне у него висит лондонский лубок: красивая жена фермера гладит сытого петуха, – заметил лейтенант Карандашов. – Даром, что одета, а вполне неприлична!

– Так это вы японцам? – спросил Шиллинг.

– Говорят, главный их посол – любитель женщин и немножко циник, – не глядя на картину, заметил Можайский, все еще поглощенный своим пейзажем.

– Японцев не удивишь изображением голой женщины.

В кают-компании все стихли. Можайский сообразил, что вошел капитан.

– Я уберу эту картину в свою каюту, – сказал он поспешно, кинув взгляд на Лесовского.

– Да нет, пожалуйста, пожалуйста, – холодно ответит капитан и прошел на свое место.

Двое огромного роста матросов в белоснежных костюмах стали вносить обед. С супниц снимали крышки. Разнесся приятный запах борща. Елкин запнулся за стул и неловко оперся на плечо барона.

– Простите...

– Пожалуйста, – ответил Шиллинг.

У капитана широко открытые глаза смотрят с неизменным гневным удивлением, словно он всегда видит беспорядок. Когда идет по палубам, кулаки его, кажется, сжаты наготове.

– Копия Венеры Веласкеса, – сказал Степан Степанович,

вглядываясь в картину.

Можайский ответил, что писал на память, стараясь передать японцам что-то из знакомого и признанного.

– Адмирал посоветовал изобразить для японцев европейскую женщину.

– Чтобы они увидели да и открылись поскорей, – сострил в густые, нестриженные усы старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин.

– К сожалению, не было натуры, с кого писать, – ответил Можайский и, поднимаясь, пошел мыть руки.

– Японские женщины не крупны, суховаты, обычно узки в бедрах, – рассказывал Гошкевич, – ноги у них не очень стройны.

– Нет, не говорите, – сказал адъютант и секретарь адмирала, его племянник Пещуров, бывший на «Палладе» в Нагасаки на всех переговорах.

Он так юн, свеж и красив, что однажды японский посол Кавадзи спросил его: «Хотите быть моим сыном?»

– А вы, лейтенант, близко видели японок? – взглянув на Пещурова своими белесыми глазами, спросил капитан.

Пещуров смолчал.

Все знают, что японцы тщательно скрывают своих женщин. Поэтому наибольшее доверие вызывали рассказы Гошкевича как знатока Азии, который умел завязывать довольно дружеские отношения с японцами.

– Да вот, господа, Елкин лучше всех знает японок! – гром-

ко добавил он.

– Да вы что, господа! Я ни единой японки не видел еще...

– Простите, я хотел сказать, гилячек...

Елкин зажмурил левый глаз, а правый выкатил на барона. Штурманский поручик – атлетического сложения и самый белокурый из всех офицеров – неизменно обращал на себя внимание всех южных женщин и пользовался у них успехом.

– А как китаянки? – спросил юнкер Корнилов, обращаясь к Гошкевичу. – Вот вы прожили семь лет в Пекине. Составилось ли у вас какое-то мнение?

– В Японии вам интересно будет, – сказал, обращаясь к Можайскому, лейтенант Колокольцов. – Там все необычно. К сожалению, хотя мы долго стояли в Нагасаки, но мало видели. Как ни странно, а виды в Императорской гавани и Де-Кастри мне показались похожими на Японию. Та же игра красок.

– Вот уж ничего подобного, – перебил Елкин.

Постепенно разговор становился серьезней. Заговорили про народное восстание в Китае, про шаткость положения маньчжурской династии.

Офицеры «Дианы» не были ни в Китае, ни в Японии. Лишь на пути из Америки они прошли Сангарским проливом между Японскими островами и видели горы этой страны да кое-что подметили, приближаясь к рыбацким лодкам, которые сразу же уходили прочь. Читая книги западноевропейских путешественников, многие вынесли впечатление, что

китайцы и японцы очень походят друг на друга и происходят от единого корня, что Япония – страна цветов, слабых, изнеженных мужчин и ярких женщин, похожих на фарфоровые статуэтки. Все они с огромными черными прическами в черепаховых гребнях, и что гейши – доступны и соблазнительны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.